

Владимир Михайлов

День после соловьев, год седьмой

*Часть сборника
Решение номер три (сборник)*

Владимир Михайлов

День после соловьев, год седьмой

«Автор»

1992

Михайлов В. Д.

День после соловьев, год седьмой / В. Д. Михайлов — «Автор»,
1992

«Мелодия, красивая, как бабочка, шелестела и звенела, как бабочка, влетевшая невзначай в комнату – как бабочка, что ищет путь назад, на волю, и телом заставляет стекло звенеть. Мелодия заставила проснуться. Легко, без обычного усилия. Без песка под веками. Без ощущения скрипящих суставов и гнилостного вкуса невыспанности. Без тяжести прожитых пятидесяти лет за плечами...»

© Михайлов В. Д., 1992

© Автор, 1992

Владимир Михайлов

День после соловьев, год седьмой

Мелодия, красивая, как бабочка, шелестела и звенела, как бабочка, влетевшая невзначай в комнату – как бабочка, что ищет путь назад, на волю, и телом заставляет стекло звенеть.

Мелодия заставила проснуться. Легко, без обычного усилия. Без песка под веками. Без ощущения скрипящих суставов и гнилостного вкуса невыспанности. Без тяжести прожитых пятидесяти лет за плечами.

Проснуться и протяжно зевнуть, вызывая странный звук, в котором протянулись все гласные, переходившие один в другой, как цвета в радуге.

Зевнуть, выдыхая остатки сна. Освобождая лёгкие для первого осознанного вдоха, с которым новые силы наполняют тело.

Зевнуть и насторожиться. Прислушаться, чтобы вовремя уловить тихие шаги первой неприятности.

Он вслушивался, отделив затылок от подушки, глушащей звуки. Но извне не доносилось ничего.

День начинался не с неприятностей? Это было загадкой и счастьем.

Мелодия всё звучала. Выходило, что не сон породил её; она жила и на самом деле, была существом, чьё бытие не зависит от стороннего восприятия.

Тогда он нерешительно улыбнулся, по очереди поднимая уголки рта.

Он – Герван Степул Кантир, муж, отец, а следовательно – гражданин, плавным движением спустил ноги с постели и сел, чуть покачивая головой в такт музыке.

Эта мелодия звучала в доме – в этом самом доме – и двадцать один год тому назад. Всё оставалось по-прежнему. Неизменность была достоинством жизни.

Качая головой, как глиняный болванчик, Герван Кантир глядел на пальцы спущенных на пол ног – желтоватые, с ребристыми ногтями, чуть скошенными от неладной обуви, стеснённые, почти сросшиеся, сверху вниз треугольные. Очень редко по утрам выпадало ему время, чтобы посмотреть на свои пальцы. А это плохо: человек должен знать себя. Но сегодня уж такой день выдался, с самого пробуждения удачный. Герван даже позволил себе пошевелить пальцами ног. Это почти развратное действие принесло ему ощущение странной свободы.

– Экузинаст! – сказал Кантир вслух.

Слово не обладало общепринятым смыслом. Герван сам придумал его много лет назад для внутреннего языка, для разговоров с самим собой. В его лексиконе было много таких слов. Сказанное выражало полное довольство.

– Экузинаст, – повторил он, с иной уже интонацией, как бы сомневаясь.

Он медленно стянул одеяло с колен. Колени были круглыми и тоже желтоватыми. Раньше круглизна их не столь замечалась: бёдра были помясистее, икры – потолще. Но это ушло с годами.

Герван ещё ниже опустил голову. В эти летние ночи он спал нагишом, так что сейчас ничто не препятствовало ему перенести взгляд. Конечно, раньше и остальное выглядело внушительней. Однако уж никак нельзя было сказать, что от него ничего не осталось. Хотя постылых дней, если говорить честно, каждый год прибавлялось. Ну что же, кому как, а ему выпала вот такая именно жизнь.

Разумный не ропщет.

Герван Кантир смело перебросил взгляд правее. И не удержался, чтобы не воскликнуть и в третий раз:

– Экузинаст!

И в самом деле, это уж подлинно сказкой было: на ночном столике, рядом со стаканом, куда он наливал воду на ночь, не шесть сигарет лежало, дневная доза, – а целых... Сколько же? Он сосчитал, для верности отмечая каждый счёт взмахом пальца: да, двенадцать! Ровно вдвое! Воистину невероятно – и всё-таки непреложно. Считай хоть с одного конца, хоть с другого, хоть с середины – всё равно, дюжина остаётся дюжиной. Вот как!

Событие это прямо-таки толкало на проступок: взять и закурить первую прямо сейчас, в постели, а не после завтрака, как полагалось. Если Марголиза уж такое себе – и ему – позволила, то, наверное, и нарушение порядка сойдёт ему с рук!

Герван почти решительно протянул руку. И тут же отдёргнул: послышались шаги. Но он упрекнул себя в малодушии, крепко уцепил сигарету, хотя и не слишком сжимая, чтобы не повредить; обнял конец её губами, как бы сливаясь в поцелуе. Не глядя, безошибочно нашёл спички. Опять чудо! Их оставалось с вечера пять в коробке, а сейчас пальцы ухватили свежий, совершенно новый, с прекрасно шершавыми боками. Он осторожно выдвинул спички, уже по тугости движения понимая, что их внутри полно. Герван даже покачал головой в одобрительном изумлении.

Шаги были уже за дверью. Он чиркнул спичкой, сам дивясь собственной отваге; поднёс огонь, сигарета сладостно совокупила с пламенем, а весь дым достался ему, Гервану. Он даже прищурился плутовски при этом неожиданном сравнении, лёгкая игривость пузырилась в голове.

Тут дверь стала открываться, но Герван Степул Кантир уже твёрдо решил ничего не пугаться. Хотя вошла, конечно, Марголиза. Да никто другой и не мог бы войти.

Дива не иссякали, и Марголиза вовсе не такой предстала ему, как в иные дни. Хотя и умытая и причёсанная уже, она, вопреки обычаю, вошла в одном лишь лёгком халатике и пушистых пантуфлях. Да и халатик одевал её как-то нерешительно, словно готовый в любой миг, от самого лёгкого намёка, слететь с плеч, открывая то, что и так сквозь условность его ткани было доступно взгляду: медовозагорелые плечи и полушарие живота с полюсом пупка, и всё ещё задиристые груди, и готический взлёт ног, гармонично слитый с романской округлостью бёдер, меж которыми укрывалась пещера сокровищ... Вся эта прелесть на грани свежести и зрелости часто гасилась выражением лица, требовательно-хмурого; но сегодня оно улыбалось, а когда причудливо изогнутые губы Марголизы разомкнулись, голос почудился продолжением всё той же старой мелодии. Двух шагов достало женщине, чтобы встать рядом с коечкой Гервана, – места тут было мало, что верно, то верно, странно, что двадцать один год тому назад дом этот казался даже просторным (правда, тогда ни Элматы, конечно, не было, ни Синогера; каморка эта прежде служила кладовой, но что поделаешь: дети растут, а дом – нет). Когда она оказалась вплотную рядом, его сердце стало заикаться от волнения. А Марголиза задержалась лишь на мгновение, чтобы повернуться и с новым шагом сесть рядом с Герваном, так что коечка тихо и сбивчиво, как бы заплёбываясь чувством, заворковала, и звук этот прозвучал как заключительный аккорд увертюры, после которого распаивается занавес и начинается действие.

– Курилка несуразный! – молвила она низким, со множеством обертонов голосом. – Ну, кури, кури, – она даже не стала выговаривать по поводу дыма, уже заслоившегося в комнатке. – Я подожду...

Но не в её обычае было – ждать беспечно, и Герван сразу же ощутил это. Пальцы её были мягки, не натружены работой, но, пожалуй, стоило двадцать один год трудиться за всех ради того, чтобы такими вот пальчиками прикоснулись к тебе, а не шершавыми, как сосновая кора. Легко засновали они, как дружелюбные зверьки, забегали по его угловатому телу, потом как-то незаметно вынули из его рта сигарету и воткнули в пепельницу – но Герван даже и не подумал обидеться, хотя там оставалось ещё на верных три затяжки. Тугое тепло тела Марголизы придвинулось вплотную, и Герван с готовностью лёг и включился в игру; хотя и совершенно не мягкие, его пальцы тоже умели быть нежными, а иногда и причинять сладкую боль,

и находить всё новые пути в никогда до конца не исследованной стране. Койка ворковала всё громче. Потом две массы слились, и начался медленный взрыв. Постель даже умолкла, исчерпав, наверное, свои способности, и только сигаретный дым метался по комнатке, словно налетел ураган.

Герван, честное слово, не ожидал, что ещё способен на такое. Вот что значит – выпатся власть... А вообще-то рядом с Марголизой и фараонова мумия не улежала бы спокойно. Вот каким достоянием он, Герван, обладает – и будет, надо надеяться, владеть ещё не один год и не пять...

– Старичок! – сказала Марголиза тихим голосом, отдыхая. – А ты молодец. Скажи теперь это твоё словечко.

– Экузинаст... – протяжно выдохнул он. – Ты только не спеши уходить...

– Нет, – успокоила она. – Я знаю, ты не устал. Вот выпей.

Она протянула Гервану стакан – тот самый, его ночной, с маленькой щербинкой от неудачного падения когда-то. Герван принял стакан и, даже ещё не пригубив, откинул в восторге голову:

– О-о! Не вода! Что же тут?

– А ты уже и забыл? Восьмигранное!

– Неужели «Адмирал Барн»?

– Ага! Вспомнил!

– Что же у нас за праздник сегодня? – не выдержал он, отпив из стакана и сладко переводя дух.

– Праздник... – проговорила она, но дальше объяснять не стала – пальцы её снова коснулись струны, натягивая её постепенно до тугого, высокого звона, и вскоре койка опять заволновалась. И лишь когда Герван допил всё до конца и повторил свой вопрос, Марголиза ответила – но совершенно иным уже, строгим и даже горьковатым голосом:

– День после соловьев. Такой вот праздник.

– Ну и что?

– Какой год на дворе – наш год – помнишь?

– А как же. Двадцать первый. А...

Тут только он вдруг сообразил:

– Год, кратный семи. День после соловьев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.